

Angela Gheorghiu, más cerca de la Callas

Hvorostovsky.org

Eduardo Villanueva

Salvo contadas excepciones, cada vez que los asiduos salen de una representación operística de Bellini, Donizetti o el joven Verdi, se deja oír por los pasillos el consabido lamento de “ya no hay artistas del bel canto”. El Metropolitan ha sido ahora una de esas felices excepciones, con un *Elíxir de Amor* estupendo que revivió las ilusiones belcantistas

La archiconocida producción *naïve* de John Copley, con escenografía y vestuario de Beni Montresor, lució renovada al servir de marco al pulido trabajo del elenco. En el caso de la rumana Angela Gheorghiu, sería difícil imaginar una Adina más acertada en voz, actuación y belleza física. Con una figura de ballerina que nos recordó de primera intención a las legendarias

EL ELÍXIR DE AMOR
Auotr
G. Donizetti.
Director musical
Evelino Pidó.
Director escena
John Copley.
Intérpretes
Roberto Aalagna, Angela Gheorghiu, Dimitri Hvorostovsky, Paul Plishka.
Lugar
Meropolitan Opera de Nueva York.

fotos de Callas como Amina en *La Sonámbula*, la Gheorghiu nos hizo comprobar, entre otras cosas, que las similitudes con la *Callas* belcantista no son solamente físicas.

Recientemente, un crítico norteamericano expresó que Angela Gheorghiu era “una soprano lírico-coloratura con alma de mezzosoprano”. Esto se manifiesta en la calidez homogénea de sus registros, condición a la que añade una gran inteligencia interpretativa, que le permite brindarnos verdaderas filigranas vocales en este agraciado *rol*. Su canto resultó siempre exquisitamente grato, sin estridencia alguna, guardando sus preciosos sobragudos para esos pocos momentos en que se hacen necesarios. Su manejo de la media voz provocó ecos de Callas.

Dmitri Hvorostovsky ofreció en Belcore una caracterización deli-

ciosamente divertida y con la dosis exacta de payasada, que en un artista de su apostura física, resulta doblemente efectiva. Hvorostovsky es del tipo de artista que causa un impacto con su mera entrada al escenario, al momento, el espectador comprueba la precisión casi perfecta de su canto, lleno de matices, poderío y personalidad.

El Nemorino de Roberto Alagna definitivamente está en una categoría menos elevada. Entre Gheorghiu y Hvorostovsky, su canto resultó a veces prosaico, no porque su voz carezca de gran calidad, sino porque desperdicia oportunidades doradas a granel, queriendo ostentar un volumen innecesario para este rol, sobre todo durante el primer acto, en el que lucía muy afanado por demostrar que es “el cuarto tenor”. Ya en el segundo acto las cosas mejoraron, como si su refinada

consorte le hubiese recordado a Alagna que no es necesario gritar para cantar Donizetti. Sin embargo, el final de la esperada *Una furtiva lágrima* se vio empañado por un desafortunado forte. Si Alagna fuera más cuidadoso, realmente se convertiría en un cantante excepcional, pero debemos recordar que sus antecedentes pertenecen al género popular, y se nota.

Veinticuatro horas después de haber cantado el Rey Marke en *Tristán*, el veteranísimo bajo Paul Plishka nos complació con un Dulcamara de admirables vigor y agilidad, no obstante los rápidos *tempi* del director Evelino Pidó, quien mantuvo una visión más bien inflexible de esta soleada partitura, aunque sin perder la *italianità*.

Una noche burbujeante y fresca, que nos devuelve la confianza en el futuro del maltratado *bel canto*.

Любовный напиток

21 декабря 1999 *Эдуардо Вильянуэва*

Анджела Георгиу, ближе к Каллас

Автор оперы Доницетти

Дирижёр Эвелино Пидó

Режиссёр Джон Копли

В ролях: Роберто Аланья, Анджела Георгиу, Дмитрий Хворостовский, Пол Плишка

Метрополитен-опера, Нью-Йорк

За редким исключением, практически каждый раз, когда зрители покидают оперное представление Беллини, Доницетти или молодого Верди, в коридорах разносится привычное сожаление: "Артисты бельканто остались в прошлом". В этот раз потрясающий "Любовный напиток" Метрополитен-опера, возродивший традиции и надежды бельканто, стал одним из счастливых исключений. Знаменитейшая постановка в стиле наив Джона Копли со сценографией и костюмами от Бени Монтресора благодаря безупречной работе актёров выглядела обновлённой. Трудно представить Адину другой, чем в исполнении румынки Анджелы Георгиу с её потрясающим голосом, актёрским мастерством и физической красотой. Её фигура балерины, напоминавшая легендарные фотографии Каллас в образе Амины из "Сомнамбулы", заставила нас убедиться, помимо всего прочего, что сходство Георгиу с великой Каллас не только внешнее.

Не так давно один североамериканский критик заявил, что Анджела Георгиу "лирико-колоратурное сопрано с душой меццо-сопрано". Это проявляется в качественной однородности её регистров, к которому добавляется разнообразная интеллектуальная гамма, позволяющая ей передать свои истинные вокальные качества во всей красе. Её пение всегда изысканно-приятное, без надрыва, хрипоты и визга в сверхвысоких регистрах. Её пение вполголоса очень напоминает манеру исполнения Каллас.

Дмитрий Хворостовский в своём Белькоре преподнёс зрителю восхитительную артистическую и ироническую характеристику с долей фарса, которая при мощной физической форме Хворостовского оказалась достаточно эффективной. Российский баритон относится к типу артистов, вызывающих восхищение одним своим появлением на сцене, и зритель сразу же оказывается сражён идеальной точностью его пения, набором нюансов его мастерства, поэтичности и индивидуальности.

Неморино от Роберто Аланья определённо относится к менее высокой категории. Между Георгиу и Хворостовским его вокал иногда просто терялся не потому, что его голосу не хватает мастерства, а потому что он упускал возможности, желая продемонстрировать излишнюю громкость и апломб для этой роли, особенно во время первого акта, в котором он излишне старался показать, что он один из лучших теноров в мире, забывая о самой роли.

Во втором акте всё встало на свои места, будто утончённая супруга напомнила Аланья, что не нужно кричать - нужно петь Доницетти. Однако финал ожидаемой "Una furtiva lágrima" был испорчен неожиданным криком. Если бы Аланья был более осторожным и выразительным, он действительно мог бы стать выдающимся певцом, если бы своим пением не напоминал о том, что в его семье певцы были поп-исполнителями.

Всего 24 часа спустя после роли короля Марка в "Тристане" бас-ветеран Пол Плишка порадовал неутомимой энергией и ловкостью, несмотря на быстрый темп дирижёра Эвелино Пидó, выдержавшего, не теряя самообладания, достаточно твёрдую линию в этой радостной солнечной партитуре.

Бурная и прохладная ночь, возвращающая нам уверенность в будущем многострадального бельканто.